

- Типы прескрипций, связанные с профессией плотника в традиционной культуре Северной и Центральной России // Вятские родники. Сборник материалов восьмой научно-практической конференции. Киров, 2007. С. 9—19.

В.Е.Добровольская

(Москва)

**Типы прескрипций, связанные с профессией плотника
в традиционной культуре Северной и Центральной России.**

Система правил, регламентирующих бытовую, обрядовую и хозяйственную деятельность как одного человека, так и всей общины в целом является постоянным объектом внимания исследователей [Чернов 1967, С.45-59; Успенский 1982; Виноградова, Толстая 1999, С.269-273]. В то же время запреты и предписания, связанные с профессиональной принадлежностью индивида, не стали предметами постоянных исследований, хотя, конечно, фиксировались от случая к случаю как учеными 19 – начала 20 вв. [Зеленин – архив; Зеленин 1929; Максимов 1993, С.109-133]. При этом внимание к предписаниям и запретам, существующим у представителей разных профессий, было неодинаковым. Причина этого очевидна. Не вся деятельность в рамках традиционной культуры рассматривается как профессиональная, то есть требующая специальных (будь то сакральных или профанных) знаний и навыков. Поэтому основное внимание исследователей, так или иначе затрагивающих эту проблематику, сосредотачивалось обычно на так называемых «знающих» людях¹: печниках, мельниках, пастухах, гончарах и, конечно, колдунах [Щепанская 2001, С.9-27; Трофимов 2001, С.54-57; Добровольская 2001, С.95-105; Финченко 1982; Гуляева 1986; Топорков 1984, С. 41-47; Цивьян 2000, С.177-192]. Поведенческие нормативы для современных профессий исследуются более системно (см. работы отдельных исследователей [Чередникова, Кром; Шумов; Шумов 2003, С.128-164; Федосеенко, 2003] и проект «Антропология профессий» [Щепанская 2003, С.139-161]).

Между тем Т.А. Бернштам убедительно доказала, что трудовые роли и обрядовые функции независимо от половозрастного деления хозяйственных

занятий имели ритуальную связь «с сакральными силами...», результатом чего «являлся «договор», обеспечивающий прокормление человеческого и животного мира» [Бернштам 1988, С.139].

Записи и исследования настоящего времени² рассматривают профессиональные нормативы как один из способов характеристики представителя той или иной профессии, а не как часть единой системы установок и стереотипов, обязательное соблюдение которых делает жизнь этноса стабильной. Единственная известная нам попытка³ представить поверья как целостную систему этносоциальной регламентации, весьма успешно с нашей точки зрения, предпринята в книге Т.Г. Владыкиной [Владыкина 1998, С.240-280]. Как отмечает автор в своем исследовании, «система важнейших предписаний была разработана за многовековую историю народа столь детально и тщательно, что практически охватывала весь жизненный цикл человека, причем индивидуальное, как правило, довольно жестко ограничивалось или даже приносилось в жертву общему, общинному, родовому; регламентировалась вся совокупная информация о социальном и природном окружении человека на его важнейших пространственно-временных уровнях» [Владыкина 1998, С.240]. Безусловно, проект Т.Б.Щепанской позволит выявить основные черты, темы и функции профессиональных субкультур, но вероятно, в основном, в нем будут рассматриваться современные поведенческие нормативы, а так же те традиционные нормативы, которые «развиваются помимо официальных институциональных норм в ходе неформального общения в профессиональной среде» [Щепанская 2006, С.406]. Однако нам кажется, что для традиционной передачи профессиональных навыков участие социальных институтов минимально, и поэтому все нормативы передаются в ходе «неформального общения».

Анализ материалов, связанных с темой магических запретов и предписаний в сфере регулярной трудовой деятельности сельского населения Северной и Центральной России показал, что профессиональные нормы и запреты существуют для всех видов традиционной (крестьянской) деятельности независимо от гендерной принадлежности работника; сакральности или профанности (прежде всего с исследовательской точки зрения) того или иного типа работы.

Предметом данной статьи стали поведенческие нормативы, связанные с такой профессией как плотник⁴.

В.В. Иванов и В.Н. Топоров писали о том, что «само установление ремесел дается извне мифологическим существом <...> отчетливо это проявляется в применении ремесла для изготовления какого-либо продукта, отмеченного как сакральный» [Иванов, Топоров 1974, С.87-88]. С легкой руки С.В. Максимова, указавшего на то, что плотники имеют «помощь нечистой силы, с которой они, несомненно, знают» [Максимов 1993, С. 186] большинство исследователей причисляют представителей этой профессии к «знающим» людям, то есть к носителям некоего тайного знания, получившим его от демонологического персонажа и находящихся в контакте с нечистым⁵. Отметим, что в большинстве случаев в качестве примеров используют либо тексты из книги С.В. Максимова [Максимов, 1993], либо былички, приведенные в работах В.П.Зиновьева [Зиновьев 1985, №39; Зиновьев 1987, №129-131]⁶, либо материалы Н.А.Криничной [Криничная 2000]. Таким образом, утверждение о связи плотников с нечистой силой строится на десятке текстов, причем в большинстве из них нет прямых указаний на такое взаимодействие. В традиционной культуре потенциальная опасность, исходящая от плотника ощущается носителями традиции и именно этим объясняется наличие текстов о том, как «мстительны и недоброжелательны эти люди» [Максимов 1993, С.186]. Анализ имеющегося в нашем распоряжении материала показывает, что плотники не приобретают свое мастерство от демонологического персонажа и для собственно плотницкой работы контакт с нечистой силой не желателен. Плотники не вступали в контакт с демонологическими персонажами, как это делали, например пастухи (дары лешему) или мельники (кормление водяного). С другой стороны, они обладают профессиональными навыками, выделяющими их из общей массы людей. С нашей точки зрения, они занимают некое промежуточное положение между простыми людьми и людьми «знающими», и попали в число последних, потому что, обладая неким специальным знанием – потенциально опасны⁷.

Правильнее всего говорить о том, что магические знания плотников, направлены на создание или, при несоблюдении правил обращения с ними, на разрушение границы между «этим» и «иным» миром: «Строитель, собственно,

всякий человек, устанавливающий порядок в той или иной области» [Байбурин 1983, С.56]. Именно этим можно объяснить большое число запретов и предписаний, нарушив которые плотники вольно или невольно могли разрушить границы и нанести вред, как отдельному человеку, так и общине в целом.

Работа плотника связана в основном со строительством дома и других построек, поэтому основной корпус мифо-ритуальных нормативов направлен на обеспечение «правильности» строительства и безопасности постройки для ее будущих жильцов. Необходимо отметить, что нормативы, связанные со строительством дома подробно разобраны в целом ряде работ и, прежде всего в монографии А.К.Байбурина [Байбурин 1983]. Однако в этих работах внимание сосредоточено на самом нормативе, а не на том, кто именно должен его соблюдать. Хотя у некоторых исследователей отдельные упоминания о роли плотников в строительной магии встречаются [Узенева 2000, С.9-10]. Задачей нашей статьи является попытка выделить из прескрипций, связанных со строительством те, которые регулируют правила поведения плотников.

Рассматриваемые запреты и предписания можно разделить на несколько групп. Это нормативы, связанные с выбором места и материала для строительства, укладкой первых венцов, матицы, прорубанием окон и т.д.

Выбор места для постройки дома был призван обеспечить успех строительства, благополучие и процветание хозяев. В северной и центрально-русской фольклорных традициях он мог осуществляться как строителем, так и хозяином дома, а также людьми, которым приписывалось наличие магической силы, например колдунами или юродивыми. Однако многие исполнители говорят о том, что *«где дом строить – лучше плотнику решать. И хозяин выбрать место может, и кто со стороны знающий человек, а только плотнику оно сподручней. Если он место выбирает, то наверняка – ничего в этом доме манить не будет, все ладно случиться»* [4].

Критерии выбора места для дома подробно описаны во многих работах [Байбурин 1983; Невская 1981, С.106-121]. Судя по материалам, имеющимся в нашем распоряжении, если плотник участвовал в выборе места для строительства, то он строго придерживался традиционных для такого случая норм, то есть следил, чтобы дом не начали строить в «плохом» или «нечистом»

месте (на перекрестке, заброшенном кладбище, на месте сгоревшего дома или бани и т.д.). Он мог участвовать и в гадании на выбор места *«Плотник раньше выбирал место. Он что-то из вещей своих оставлял там: шапку или что. И вот на ночь оставит, а утром смотрит — если вещь в росе — к добру, удачно место. Если сухая — нечистое»* [2].

Таким образом, именно плотнику приписывалась способность правильно выбрать место для будущего строительства и включить эту часть пространства в сферу «своего», то есть освоенного мира.

Если в выборе места для строительства плотник мог участвовать наряду с другими людьми, то выбор материала в традиции данного региона чаще всего считался его делом, и прескрипции регулирующие действия, связанные с выбором древесины в основном распространяются на него. В этой группе можно выделить три типа нормативов. Первые относятся к выбору древесины, вторые – к месту произрастания дерева и третьи – ко времени рубки.

В описываемом регионе избы рубились по преимуществу из сосны, поскольку эти деревья плотно ложатся в сруб. Считалось, что плотник должен точно знать, какие деревья не используют для строительства⁸ *«Вот плотник он не все для дома берет. Вот осину нельзя – проклятое оно дерево, и липу. Вот у нас дядя плотником был, все говорил: «Липу нельзя – святое она дерево». А елку нельзя – она молнию притягивает – дом сгорит»* [1]. Считалось, что нельзя использовать для строительства старые деревья: *«Вот дядя у меня плотник был знатный. Все говорил: «Старо дерево в сруб не идет, оно в лесу своей смертью умереть должно»* [28]. Среди плотников был широко распространен запрет на использование сухих деревьев: *«Вот я с отцом еще плотничать начал. Вот сухое дерево не возьму, они мертвые. Если такое дерево в срубе есть – сухотка, болезнь такая, у всей родни будет, вот вся семья вымрет в таком доме»* [5]. Плотник не должен был использовать буйное дерево, то есть такое, которое выросло на бывшей лесной дороге⁹. Верили, что оно может разрушить сруб, особенно если будет использовано в нижних венцах: *«Я тебе как плотник говорю: буйное дерево весь дом разнесет, прям по бревнам раскатает. И ведь разом прям»* [2].

Иногда, собственно запрета на выбор древесины не фиксировалось: *«Вот у нас тут сосны одни – из них и строили, чего тут знать»* [9], но тогда

существовало правило на выбор древесины для отдельных частей дома: *«Вот говорю, сосны тут одни, а вот для воронцов всегда дуб выбирали. Плотник, если мастер, никогда у нас воронец из сосны не делал – только из дуба. Если его кто обидит, тогда сосну ставил – в доме чтоб девки старые были, а так только дуб – чтоб все благополучно с хозяевами было»* [9] или *«Дом строили из сосны чаще, она ровная такая, а вот матицу плотник никогда из сосны делать не будет, если мастер, а не абы что. Матицу завсегда из дуба делали, чтоб дом как можно дольше без покойника стоял»* [7].

Плотник следил, чтобы для строительства не рубились одиноко стоящие деревья *«Ладу в семье не будет, если плотник в дом хоть одно одиноко дерево вложит»* [11]. Если кто-либо из хозяев относился к нему без должного уважения, то плотник мог специально использовать при строительстве дерево с кладбища или перекрестка *«чтоб в доме покойник был»* [5].

Первое дерево для строительства дома должен был срубить именно плотник, а не сам хозяин *«Иначе помрет хозяин-то, он на гроб себе его рубит»* [8]. Отметим, что плотник должен был соблюдать целый ряд запретов: выбирать «легкий день» и «легкий час», никогда не рубить первое дерево для нового дома на убывающем месяце или в не «парный день», то есть в субботу и т.п. Плотник старался выйти из дома для заготовки деревьев на рассвете, через заднюю дверь и идти окольным путем, чтобы не встретить кого-нибудь, особенно женщину: *«Если плотник, когда рубить перво дерево идет, бабу встретит, то если мастер он завсегда возвернется — ему, зачем неприятности. Говорят, если плотник первой бабу встретил, его деревом зашибет. Себе на голову рубит»* [22].

Совершенно очевидно, что заготовка древесины в данном регионе это сезонная работа; она осуществляется преимущественно после Троицы и зимой, после Николина дня: *«Плотник всегда знает, когда деревья рубить для дома. Вот у нас был дядя Миша. Много лет дома рубил. Вот соберутся строить – к нему. Он всегда скажет, когда за деревом идти. Ходил сам с хозяином первый раз. Или после Троицы, или после Николы. Это самы лучшие дни. В доме богатство будет»* [29]. Однако и в эти периоды были дни, в которые рубка деревьев запрещена. Помимо нормативов не связанных с плотницкой работой непосредственно и распространенных во всех группах населения (работа в

праздники, в воскресенье, на Святки, в плохие дни и т.п.) среди плотников был широко известен запрет на заготовление леса в четверг: *«Вот все говорят на праздники лес не рубят, не рубят, но до службы, а после руби себе. В тяжелый день начинать нельзя, а если уж рубил, то и продолжай. На Троицу тоже можно, но только все празднуют – один не пойдешь. А вот в четверг ни один плотник лес рубить не будет, и хозяина отговорит. Плотник только начинает, хозяин там с семьей все большие рубят. Так, если попросят – поможешь. А так, только перво дерево. В четверг не рубят потому, что четверговские деревья гром притягивают – дом сгорит»* [12].

Г.Н. Потанин приводит ряд примет, предвещающих неблагоприятный исход заготовки древесины, например, если три первых дерева, выбранных для рубки, не понравились, лучше не рубить в этот день вовсе. К сожалению, в статье не говорится, кто должен осуществлять этот выбор первого дерева для рубки [Потанин 1864, С.138]. Аналогичный пример на пермском материале приводит Н. Рогов, однако и он не уточняет – кто должен соблюдать установленные правила [Рогов 1858, С.93]. В архивных материалах, имеющихся в нашем распоряжении, есть несколько подобных примеров, где говорится о том, что именно плотник должен осуществлять выбор деревьев и в случае неудачного первого выбора, прекращать рубку: *«Первое дерево для рубки плотник выбирает, если у его верхушка сломана или обломилась падая, все! Шабаш! Рубки в этот день нет – ждут другого дня»* [21].

Как видно из приведенных примеров, нормативы, связанные с заготовкой материала для строительства накладывают на плотника обязательства, целью которых является обеспечение благополучия будущих жильцов дома, для чего он должен правильно и своевременно выбрать положительно маркированные материалы.

Особое значение при закладке дома плотник уделял выбору времени для начала строительства. Хорошим временем считали Великий пост: *«Дедушка говорил, что дом лучше всего постом зачинать, вот дите постом грех, а дом само лучшее время. Ну, ни на Филипповки или Петровки, а на Великий. Дом в святое время начинать надо. Он знал все – он плотник был. Мастер»* [6]. Полагали, что строительство должно захватить Троицу: *«Вот говорят: «Без Троицы дом не строится». И, правда. Дед у нас плотник был, И мужики в доме*

все рукастые. Вот на пост начали и уж заканчиваем, а дед все чего-то тянет, никак. А после Троицы вмиг все кончил. Говорил, что если дом строят и до Троицы кончат, то в доме много бед будет. Вот и тянул» [19].

Верили, что плотник никогда ни начнет строить дом «на убывающий месяц», поскольку это сулит несчастье: *«Вот мы дом строили. Собрались, с плотником подрядились. Ну, вот завтра. А он говорит, нет. Ну, послезавтра.*

-Нет, - говорит, - через три дня.

-Почему? Что такое, чего тянуть?

-В новолуние начнем. А на убывающий месяц я строить не буду. У вас в хозяйстве ладу не будет, а плотник виноват.

И, правда, начал только в новолуние. И вот у нас – порядок. Вот что значит мастер. А так ведь мог и спорить» [14].

Хороший плотник, с точки зрения многих исполнителей всегда знает, кому посвящен конкретный день и никогда не станет *«строить дом на мученика, а только на преподобного, а то все в доме мучаться будут» [27]*, то есть он не начнет строительство в день посвященный памяти какого-либо христианского мученика.

Поскольку в данном регионе избы, которые ставились прямо на землю встречались крайне редко, то особое внимание уделялось рытью фундамента. Перед началом рытья, плотник втыкал в место будущего красного угла деревце, елку или рябину: *«Прежде чем фундамент рыть, плотник завсегда куст воткнет, вот как на свадьбу – только не украшенный, елку. И от нее роет» [15]¹⁰.*

Начинали рыть фундамент с восточной стороны и обычно первым копал плотник: *«Раньше плотник начинал рыть. Вот с восточной стороны копнет раз-другой потом хозяева или кто, а мастер раз-два больше не копал. Но он начинал. Если у него обида была на семью, то он с севера начинал, чтоб в доме холодно было. А уж если извести хотел – с запада. Вроде как чтоб все они на нет сошли вся семья» [3].* Необходимо отметить, что плотник не принимал участие в сохранившихся до последнего времени элементах строительной жертвы (бросании денег «на основу», закапывании хлеба, воды, масла и т.п.)¹¹, однако именно он следил, за тем, чтобы эти действия были совершены хозяевами: *«Вот дом строили мы. Плотник был, мастер, дядя Паша, мастер*

был знатный, все знал. Вот бревна выбрал, с мужиками нашими рубить ходил, фундамент рыл, знал, откуда начать надо, день выбрал, когда начнем. В общем, следил, чтоб дом правильно заложили. А вот основу сделали отошел и вроде ждет чего. Мы туда-сюда, а чего мы знаем. Думали, обидели его чем. Он смотрел-смотрел, а потом хозяину моему и говорит:

-Егорыч, ты денежку бы положил, а то денег не будет.

А мне дед рассказывал, он плотник был, что под углы денежку кладут. Я вспомнила, хозяину сказала. Он положил. А плотник сам не клал, только следил, чтоб все путем было. Плотник, если мастер много чего знает» [23] или «Когда дом строили, то плотник сказал, чтобы под порог, ну, еще порога не было, там, где порог будет, закопали чертогон, чтоб нечисти всякой в доме не было» [15].

Плотник должен был соблюдать целый ряд запретов, связанных с укладкой первого венца, прорубанием окон и двери, укладывание матицы и покрытием дома.

С укладыванием первого венца связано действие, аналогичное строительной жертве. Это так называемое «закладывание на голову». Когда укладывался первый ряд бревен, то плотник стучал обухом топора по месту, где будет находиться красный угол (реже стучали по бревнам черепного венца; ср. так же укр. плотник бьет по тому краю сволока, который будет обращен к покутью) и называет того, на чью голову он закладывает дом. Если плотник хорошо относился к хозяевам, то обычно дом закладывался на голову животного или птицы, которые не будут «вестись в доме», если же он был зол на хозяев, то дом закладывался на голову кого-либо из членов семьи: *«Вот у нас мужик был. Норовистый очень, крутой нрав. Дом стал рубить и с плотником поругался. Поругался, но не отказал. Стал плотник первый венец класть и на том месте, где боженка будет, как стукнет топором, обухом, три раза и что-то сказал. И вот дом построили, а мужик в нем и помер. Век свой не дожил. Молодой был. Говорят, что плотник на его голову дом построил» [19] или «Вот когда плотник дом ставит, он его на голову чью-нибудь наговаривает. Вот, мать говорила, что когда этот строили, то плотник стукнул по венцу и сказал на курицу пеструю. И вот знаешь, у нас в хозяйстве пестрые куры не ведутся, мрут. Дом на их голову построен» [26]¹².*

В наших материалах не зафиксировано угощение после укладывания первых венцов, которое существует в других регионах. Исполнители отмечали, что в день, когда укладывается первый венец плотники не совершают больше никаких действий: *«Если первый венец положить, то все – работы в этот день никакой. Первые венцы только и кладут, а все остальное после»* [13]¹³. Считается, что если работа будет продолжена *«в новом доме прибытку не будет»* [4]. Такое внимание к первому венцу, связано с тем, что плотник укладывая бревна в сруб создает границу между внутренним и внешним пространством, а, следовательно, его действия призваны обеспечить безопасность внутреннего пространства и любое нарушение им нормативов вызовет большую или меньшую утрату в создаваемом новом пространстве (доме). Плотник должен был следить и за общим числом венцов в доме. В данной традиции считается, что число их должно быть нечетным: *«Венцов в доме не парно. Всегда их нечет. Лучше чтоб двадцать один был, или там девятнадцать»* [25]. К сожалению, в наших материалах нет сведений о том, что плотник принимал активное участие в прорубании/ пропиливании окон и дверей. Есть лишь единичные упоминания о том, что *«плотники, когда дверь навесят, крестят их и говорят что-то, чтоб, значит, нечистый в дом не ходил»* [9]¹⁴.

Особые нормативы плотник должен соблюдать при поднятии матицы. А.К. Байбурин подробно описывает действия при установки матицы и отмечает те из них, которые должен совершить именно плотник *«обход плотником черепного венца; «осевание» матицы зерном и хмелем; <...> добывание подвязанной к матице шубы с хлебом, солью....»* [Байбурин 1983, С.84] Отметим только, что в описываемом регионе плотнику полагалось прекращать после укладки матицы работу на день: *«иначе в доме достатку не будет»* [19]. К сожалению, нам не удалось зафиксировать нормативов, регламентирующих поведение плотников при покрытии дома, хотя само это действие сильно ритуализировано [Байбурин 1983, С.88-92].

Если основная часть приведенных выше нормативов требовала от плотника их соблюдения, чтобы не навредить жильцам будущего дома, то предписания, связанные с завершением строительства касались по преимуществу самого плотника. Так, считалось, что дом нельзя достраивать

полностью, в противном случае мастер умрет: *«Вот всегда в доме какую недоделку оставляют. Доску, какую не приладят, наличник не дорежут. Потому что, считается, что если плотник дом доделал, то он себе гроб сделал»* [10]. Особенно тщательно плотники соблюдали запрет на последний гвоздь, так как верили, что *«последний гвоздь дома, первый гвоздь гроба»* [16]. Ритуальная незавершенность связана, вероятно, не только с «идеями поддержания существующего положения» [Байбурин 1983, С.93], но и с дальнейшим продолжением деятельности строителя. Недаром многие исполнители указывали на то, что в случае несоблюдения этого норматива, плотник перестает быть востребованным мастером: *«Вот у нас как-то два плотника дом строили, и что-то там случилась, нестыковочка вышла, каждый на другого подумал и доделал все. Так вот молодые мужики, а с тех пор, как по ним забыли, никто не звал рубить дома-то. Значит вот они закончили дом и ничего недоделанным не оставили. Так, и померли – до смерти больше домов не рубили»* [18].

Плотники старались избегать слова «последний». Обычно, они говорили о доме, называя имя его хозяина «Петров дом», «дом Зыковых» и т.д. Считалось, что если плотник скажет «последний дом», то он умрет: *«Вот у нас плотник был, и вот дом построили и угощение, и он возьми и скажи: «Мой последний дом» и вот пришел к себе, лег на кушетку и помер. Нельзя им «последний» говорить»* [27].

Помимо нормативов, связанных с действиями плотника зафиксированы прескрипции, связанные с плотницким инструментом, главным из которого в данном регионе, как и повсеместно, является топор. Помимо него мастера используют тесла, скобель, долото, черту, пилу, а так же другие инструменты, *«пришедшие от немцев»* [17]¹⁵. Магическая функция железных инструментов рассматривалась в науке неоднократно [Зеленин 1999, С.100-139; Левкиевская 2002]. Плотницкий инструмент в данном случае исключением не является и выступает в традиционной культуре преимущественно в качестве оберега и отгонного средства против нечистой силы и болезней. Что является, на наш взгляд, косвенным свидетельством того, что плотник не вступает в контакты с нечистой силой непосредственно. Существует ряд нормативов, связанных непосредственно с обращением плотника со своим инструментом¹⁶.

Прежде всего, нормативы распространяются на приобретение нового инструмента. Новый инструмент наделяется отрицательными свойствами и рассматривается как нечто неосвоенное, а, следовательно, чужое. Замена старого инструмента на новый должно происходить в строго определенное время. Самым лучшим временем для смены топора считается рассвет Васильева дня, причем желательно, чтобы он совпал с новолунием: *«Лучше всего топор менять на Васильев день, ну, на Старый Новый год. На рассвете, только чтоб солнце взошло. Хорошо еще посмотреть, чтоб месяц рос в этот день, на убывающем месяце плохо менять»* [20]. Хорошим днем для замены или покупки плотницкого инструмента считается и Пасха: *«На Пасху хорошо инструмент покупать, с таким инструментом все ладиться будет»* [24]. Новый инструмент необходимо было как можно быстрее опробовать в деле: *«Вот бывает плотник топор поменял, а работы нет. Он тогда должен хоть что срубить, хоть какую безделицу. Вот у меня отец так топор поменял, а делать ему нечего было. Так он мне такой срубчик сделал для кукол – радовалась так. Дом для кукол. Причем сразу срубил. Пришел с новым топором и до заката срубил, в тот же день»* [16].

Другая группа нормативов связана с причинами, провоцирующими замену инструмента. Очень часто причиной замены становятся эпидемии, во время которых деревенский плотник становился еще и гробовщиком. Считалось, что для прекращения эпидемии он должен, сделав очередной гроб выбросить старый топор и купить новый, которым вытесать крест: *«Когда в деревне люди мрут, болезнь идет какая, плотник гроб-то сделает и топор бросит, туда, где не ходит никто, в овраг там или куда, потом сразу топор новый купит и им крест надо сделать и поставить за деревней. Кончится тогда болезнь. Говорили, что топор все дома сделал и их хозяевам гроба уже понаделал, а новый топор новые дома ставить пойдет»* [10]. Как видим и здесь новый инструмент должен быть использован для работы как можно быстрее.

Следующая группа нормативов, касается уничтожения старого инструмента. За исключением эпидемий, когда топор выбрасывался сразу после изготовления гроба, старый инструмент чаще всего уничтожался в строго определенное время, чаще всего на Масленицу: *«Вот на Масленицу костры жгут и туда все кидают, старье всякое. Плотники туда свой инструмент*

старый кидали. Он, конечно, не сгорит, только там деревянное, топорнице или ручки какие, но все равно бросали. А потом вынимали и куда-то кидали, куда не знаю» [4]. Иногда, вынутые из костра железные части инструмента отдавали кузнецу, но чаще зарывали в недоступных местах: «У нас плотники жгли старые пилы, а потом полотно (лезвие) вынут и зароят где-нибудь, чтоб не ходил никто» [26].

Отдельной разновидностью правил обращения с инструментом можно считать предписания, связанные с его ношением и местонахождением после завершения работы. Так, считалось, что топор нужно носить за поясом с правой стороны, «а то инструмент испортить можно. У нас дядька, он плотник, он левша был. Ему этот топор справа ну совсем не с руки, ему бы слева носить, а он справа носил, чтоб топор не испортился»[6].

Из вышеприведенных примеров видно, что для всех рассматриваемых работ наиболее значимыми являются запреты на начало работы, а также действия осторожного характера, направленные как на самого исполнителя, так и на орудия его труда.

Магические запреты и предписания как поведенческие нормативы (включая их обоснование) имеют бережно-информационную и социоподдерживающую функцию. Они прямо информируют человека о том, что его действия влияют на его личное благополучие и благополучие всей общины, и тем самым дополнительно задают и закрепляют взаимозависимость судеб и интересов между общинниками – взаимозависимость, которая, собственно, и создает само социальное единство, требуя координированного и регламентированного обращения с теми феноменами, от операций с которыми зависит общее благо. Запреты и предписания как таковые и являются одной из наиболее ярких и сжатых форм соответствующей регламентации.

Кроме того, запреты и предписания являются одним из наиболее важных способом кодировки картины мира: мотивировкой каждого запрета является указание на ту или иную причинно-следственную связь в мире. Тем самым воспроизводство всеобъемлющей сетки запретов и предписаний означает для его собственных носителей и то, что структура мира – это сеть причинно-следственных «объективных» связей; и то, что человек способен

знать их и оперировать с ними; и то, что для него возможно использовать их, защищая собственные интересы. Можно сказать, что магические запреты и предписания оказываются важным фактором, задающим ориентацию человека в его космосе – да и само понятие космоса, то есть упорядоченного причинно-следственными связями универсума.

Список исполнителей

1. Абрамушкина Екатерина Алексеевна, 1928 г.р., с. Шубино, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
2. Барин Фёдор Терентьевич, 1919 г.р., Вичугский р-н, Ивановская обл. ЛАА.
3. Баркова Александра Александровна, 1921 г.р., п. Чебсара, Шекснинский р-н, Вологодская обл. ЛАА.
4. Безбородова Мария Федоровна, 1930 г.р., д. Бережки, Судогодский р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
5. Белов Савелий Иванович, 1919 г.р., с. Сямжа, Сямженский р-н, Вологодская обл. ЛАА.
6. Борисова Клавдия Ивановна, 1939 г.р., п. Двинский, Верхнетотемский р-н, Архангельская обл. ЛАА.
7. Бородин Павел Иванович, 1923 г.р., п. Подюга, Коношский р-н, Архангельская обл. ЛАА.
8. Буйлова Валентина Николаевна, 1940 г.р., г. Гороховец, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
9. Буркова Елена Трифоновна, 1925 г.р., п. Илеза, Устьянский р-н, Архангельская обл. ЛАА.
10. Волганова Антонина Борисовна, 1919 г.р., с. Фоминки, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
11. Волганова Клавдия Александровна, 1937 г.р., п. Пуксоозеро, Плесецкий р-н, Архангельская обл. ЛАА.
12. Воронова Клавдия Ивановна, 1925 г.р., с. Верхний Ландех, Верхнеландеховский р-н, Ивановская обл. ЛАА.
13. Гарина Любовь Ивановна, 1941 г.р., д. Непейцыно, Судогодский р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
14. Горшкова Ирина Андреевна, 1929 г.р., с. Красное, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
15. Деденко Валентина Константиновна, 1927 г.р., п. Колобово, Шуйский р-н, Ивановская обл. ЛАА.
16. Долгополова Клавдия Александровна, 1914 г.р., с. Боровка Котельничский р-н, Кировская обл. Архив МГУ (собиратель Обижаева М.Г.)
17. Донцова Екатерина Ивановна, 1928 г.р., п. Колобово, Шуйский р-н, Ивановская обл. ЛАА.
18. Дронова Екатерина Андреевна, 1928 г.р., п. Кадуй, Кадуйский р-н, Вологодская обл. ЛАА.
19. Егунова Аграфена Степановна, 1918 г.р., д. Куприяново, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
20. Ивашева Екатерина Михайловна, 1921 г.р., д. Пергола, Котласский р-н, Архангельская обл. ЛАА.
21. Ионова Евдокия Дмитриевна, 1931 г.р., с. Муромцево, Судогодский р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
22. Кислова Ульяна Николаевна, 1923 г.р., п. Хохлово, Кадуйский р-н, Вологодская обл. ЛАА.
23. Комарова Анна Алексеевна, 1908 г.р., д. Бутырино, Котельничский р-н, Кировская обл. Архив МГУ (собиратель Нехай Л.В.)
24. Коренева Анастасия Федоровна, 1934 г.р., п. Берендеево, Переславский р-н, Ярославская обл. ЛАА.
25. Лобанова Нина Владимировна, 1934 г.р., п. Тихменево, Рыбинский р-н, Ярославская обл. ЛАА.
26. Марова Нина Алексеевна, 1933 г.р., д. Шипилово, Судогодский р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
27. Москалева Зинаида Сергеевна, 1945 г.р., г. Тутаев, Ярославская обл. ЛАА.
28. Прохорова Софья Андреевна, 1928 г.р., г. Грязовец, Вологодская обл. ЛАА.

29. Рогожина Нина Сергеевна, 1936 г.р., д. Чулово, Гороховецкий р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.
30. Шишова Антонина Михайловна, 1929 г.р., д. Нейцыно, Судогодский р-н, Владимирская обл. Архив ГРЦРФ.

Список сокращений

Агапкина 1994 – Т.А. Агапкиной Чужой среди своих // Миф и культура: человек — не-человек. Тезисы конференции. М., 1994.

Архив ГРЦРФ – архив Государственного республиканского центра русского фольклора

Архив МГУ – архив кафедры устного народного творчества филологического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова

Байбурин 1983 – А.К. Байбурин Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л., 1983.

Бернштам 1988 – Т.А. Бернштам Молодежь в обрядовой жизни русской общины XIX -начала XX в. Л.: Наука, 1988.

Виноградова, Толстая 1999 – Л.Н. Виноградова, С.М. Толстая Запреты // Славянские древности. Этнолингвистический словарь. Под общей редакцией Н.И. Толстого. Т. 2 Д-К (Крошки), М.: Международные отношения, 1999.

Владыкина 1998 – Т.Г. Владыкина Удмуртский фольклор: проблемы жанровой эволюции и систематики. Ижевск, 1998.

Власкина 1999 – Т.Ю. Власкиной Повивальная бабка в фольклоре и обычаях донских казаков // История и культура народов степного Предкавказья и Северного Кавказа: Проблемы межэтнических отношений. Сб. науч. статей. Ростов- на - Дону, 1999.

Власкина 2002 – Т.Ю. Власкина Родильно-крестильный обрядовый комплекс казаков Дона: структурно-содержательная характеристика // Исторические этюды: Памяти Ю.В. Кнышенко (1921-1990). Сб. статей В.5, Ростов-на-Дону, 2002.

Гуляева 1986 – Л.П. Гуляева Пастушеская обрядность на р. Паше // Русский Север: Проблемы этнокультурной истории, этнографии, фольклористики. Л., 1986.

Добровольская 2001 – В.Е. Добровольская Народные представления о колдунах в сказочной прозе // Мужской сборник. Вып.1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М.: Лабиринт, 2001.

Завойко 1914 – Г.К. Завойко Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии. // Этнографическое обозрение, 1914, В.3-4.

Зеленин – архив - Д.К. Зеленин Сезонные запреты (табу) у восточных славян и их соседей // Архив РАН. СПб., Фонд 849, оп.1, д.310.

Зеленин 1929 – Д.К. Зеленин Табу слов у народов Восточной Европы и Северной Азии. Ч.1. Запреты на охоте и иных промыслах. // Сборник Музея антропологии и этнографии, Т.8, Л., 1929.

Зеленин 1999 – Д.К. Зеленин Магическая функция примитивных орудий // Д.К. Зеленин Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917-1934. М.: Индрик, 1999. (Традиционная духовная культура славян (Из истории изучения).

Зеленин 1999а – Д.К. Зеленин Тотемический культ деревьев у русских и белорусов. // Д.К. Зеленин Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1917-1934. М.: Индрик, 1999. (Традиционная духовная культура славян (Из истории изучения).

Зиновьев 1985 – В.П. Зиновьев Указатель сюжетов сибирских быличек и бывальщин // Локальные особенности русского фольклора Сибири. Новосибирск. 1985.

Зиновьев 1987 – Мифологические рассказы русского населения Восточной Сибири / Сост. В.П. Зиновьев. Новосибирск, 1987.

Иванов 1889 – П.Иванов Народные обычаи. Поверья, приметы, пословицы и загадки // Харьковский сборник. 1889.

Иванов, Топоров 1974 – В.В. Иванов, В.Н. Топоров Проблема функций кузнеца в свете семиотической типологии культур // Материалы Всесоюзного симпозиума по вторичным моделирующим системам, 1 (5). Тарту, 1974.

Криничная 2000 – Н.А. Криничная Русская народная мифологическая проза. Истоки и полисемантизм образов. Петрозаводск. 2000.

ЛИА – личный архив автора

Левкиевская 2002 – Е.Е. Левкиевская Славянский оберег. Семантика и структура. — М.: Индрик, 2002. (Традиционная духовная культура славян. Современные исследования).

Логинов 1993 – К.К. Логинов Семейные обряды и верования русских Заонежья. - Петрозаводск: КНЦ РАН, 1993.

Максимов 1993 – С.В. Максимов Нечистая сила (Нечистая, неведомая и крестная сила). В 2-х томах. Т.1. М.: Русский духовный центр, 1993.

Невская 1982 – Л.Г. Невская Семантика дома и смежных представлений в погребальном фольклоре // Балто-славянские исследования 1981. М., 1982.

Никифоровский 1897 – Н.Я. Никифоровский Простонародные приметы и поверья в Витебской Белоруссии. Витебск, 1897.

Потанин 1864 – Г.Н. Потанин Юго-западная часть Тотемской губернии в этнографическом отношении // Этнографический сборник. СПб., 1864, Т. IV.

Рогов 1858 – Н. Рогов Материалы для описания быта пермяков. // Журнал Министерства Внутренних дел, 1858, Т. XXIX.

Родины 2001 – Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. (Серия «Традиция - текст- фольклор»). М.: Российский государственный гуманитарный университет. 2001.

Топорков 1984 - А.Л. Топорков Гончарство: мифология и ремесло// Фольклор и этнография: у этнографических истоков фольклорных сюжетов и образов. Л., 1984.

Трофимов 2001 – А.А. Трофимов Традиции, связанные с рыболовецким промыслом на Русском Севере// Мужской сборник. Вып.1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. . Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М.: Лабиринт, 2001.

Узенева 2000 – Е.С. Узенева Магия строительства в славянской традиции // Живая старина, 2000, №2.

Успенский 1982 – Б.А. Успенский. Филологические разыскания в области славянских древностей. (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М., 1982.

Федосеенко 2003 – Федосеенко Проявление неформального фактора в профессиональной среде геологов-полевиков // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Т. 6. №1.

Финченко 1982 – А.Е. Финченко Материалы к изучению пастушества на Русском Севере // Полевые исследования Института этнографии за 1982 г.

Цивьян 2000 – Т.В. Цивьян Об одном классе персонажей низшей мифологии: «профессионалы» // Славянский и балканский фольклор. Народная демонология. М.: Индрик, 2000.

Чередникова, Кром – М. Чередникова, И. Кром. Не возите большого ногами вперед! Ему-то по барабану, а врач может очочуриться // www.megapolis.ru.

Черепанова 1983 – О.А. Черепанова Мифологическая лексика русского Севера. Л., 1983.

Чернов 1967 – И.А. Чернов О семиотике запретов // Труды по знаковым системам 1967, В.3.

Шумов – К. Шумов Традиции пожарной охраны// [www.ruthenia.ru / folklore/ alphabet.htm](http://www.ruthenia.ru/folklore/alphabet.htm)).

Шумов 2003 – К.Э. Шумов Профессиональный миф програмистов // Современный городской фольклор. М.: РГГУ, 2003.

Щепанская 2001 – Т.Б. Щепанская Мужская магия и статус специалиста (по материалам русской деревни конца XIX - XX вв.) // Мужской сборник. Вып.1. Мужчина в традиционной культуре: Социальные и профессиональные статусы и роли. Сила и власть. Мужская атрибутика и формы поведения. Мужской фольклор. М.: Лабиринт, 2001.

Щепанская 2003 – Т.Б. Щепанская Антропология профессий // Журнал социологии и социальной антропологии. СПб., 2003. Т. VI. №1.

Щепанская 2006 – Т.Б. Щепанская Фольклор профессиональных сообществ: приметы // Первый всероссийский конгресс фольклористов. Сборник докладов. Том II. – М.: ГРЦРФ, 2006.

¹ Необходимо отметить, что нормативы, связанные с женской трудовой деятельностью, в большинстве своем и вовсе не рассматривались как сакральные, за исключением повитушества, колдовства/знахарства, а также, отчасти, обмывания и отчитывания покойника [Родины 2001; Власкина 1999, С. 164-174; Власкина 2002, С.165-175; Логинов 1993].

² Речь идет, прежде всего, о материалах 70-х -90-х годов XX в. и записях 2000-2004 годов.

³ К сожалению, только на удмуртском материале

⁴ В статье использованы материалы Архангельской, Кировской, Вологодской, Владимирской,

Ярославской и Московской областей [Архив МГУ; Архив ГРЦРФ; ЛАА].

⁵ С нашей точки зрения, принадлежность / не принадлежность человека по его профессии к «знающим» определяется несколькими критериями. Первый — это необходимость осуществления контакта с нечистой силой в рамках выполнения данной профессиональной деятельности. Статус «знающего» подразумевает, кроме того, тайный, закрытый характер его профессионального знания, в том числе сокрытие соответствующих трудовых навыков, норм и запретов, тайный и ритуализованный характер их передачи, строгое ограничение круга лиц, которым они могут быть переданы. Совершенно очевидно, что подобные явления могут наблюдаться лишь в рамках тех профессий, которые не являются массовыми. Для многих регионов Центральной и Северной России плотницкий промысел был массовым явлением и в соответствии с этим положением мы должны были бы допустить, что в указанных районах все (или по преимуществу все) мужское население считалось «знающими» и находилось в контакте с нечистой силой. Абсурдность данного положения очевидна.

⁶ Помимо широко известных текстов из книги С.В. Максимова, чаще всего упоминают тексты сибирской традиции из книги В.П. Зиновьева [Зиновьев 1987, № 129-131]. В указателе эти тексты идут в разделе БIV 7а «Защита от кикиморы...», однако только в одном из них упоминается персонаж названный кикиморой, но не наделенной функциями этого персонажа. В большинстве текстов мы имеем дело с мотивом «наведение порчи с помощью предмета». Таким образом, плотник выступает в функции колдуна. Сюжеты о колдуне, напускающем кикимору, практически идентичны упомянутому выше. Это скорее свидетельствует о том, что колдун может заниматься любым, в том числе и плотницким ремеслом.

⁷ Нам кажется, что для такого рода ситуаций более уместными являются термины предложенные (хотя и не для определения мифологического статуса плотника) Т.А. Агапкиной «маргинал поневоле» и О.А. Черепановой «опасные люди» [Агапкина 1994, С.3-4; Черепанова 1983]. С.15].

⁸ Подробно для русского и белорусского материала запреты на рубку деревьев рассмотрел Д.К. Зеленин. [Зеленин 1999а, С.140-180].

⁹ А.К. Байбуриным рассматривая образ буйного дерева, пишет о том, что в имеющихся в его распоряжении материалах указание на негативность места произрастания такого дерева нет, и он может «предположить, что подобное указание заложено в самом названии» [Байбурин 1983, С.31]. В наших материалах исполнители объясняют термин «буйное дерево» следующим образом: «*Буйное это то, что на забытом перекрестке растет*» [30] или «*Буйное — растет на какой лесной дороге. Она заросла и не видно, кажется — так растет, а оно на дороге*» [15].

¹⁰ Г.К. Завойко приводит аналогичный пример, отмечая, что перед началом строительства на выбранном месте не только втыкают дерево, но и «водружают в землю на высоком месте деревянный крест, деланный плотниками перед началом работы» [Завойко 1914, С.178].

¹¹ Многочисленные примеры, связанные с «предметным миром» строительной жертвы приведены А.К. Байбуриным [Байбурин 1983, С.61-68].

¹² Ср. с южнославянским: в фундамент дома закладывают мерку с ростом человека или животного. Аналогичные примеры см. [Байбурин 1983, С.70].

¹³ Аналогичные сведения см. [Никифоровский 1897, С.137].

¹⁴ Подобные заговорно-заклинательные формулы широко распространены в южнорусской и украинской традициях см. [Иванов 1889. С. 54].

¹⁵ Речь идет о шерхебеле, рубанке, фуганке, ватерпасе, цинубеле и т.п.

¹⁶ Необходимо отметить, что предписания касаются в основном топора, реze пилы. Другие инструменты чаще всего не называются конкретно и обычно на них распространяются те же запреты, что и на топор.